

УДК 316.642.3

СТРУКТУРА РЕЛИГИОЗНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ СОВРЕМЕННОЙ ПРАВОСЛАВНОЙ МОЛОДЕЖИ¹

© 2018 г. С. В. Рыжова^{1*}, О. Е. Хухлаев^{2**}, В. В. Гриценко^{2***}, В. В. Константинов^{3****}

¹ Институт Социологии РАН; 117218, г. Москва, ул. Кржижановского, д. 24/35, корп. 5, Россия.

² Московский государственный психолого-педагогический университет; 127051, г. Москва, ул. Сметенка, д. 29, Россия.

³ Пензенский государственный университет; 440026, г. Пенза, ул. Красная, д. 40, Россия.

* Кандидат социологических наук, ведущий научный сотрудник отдела этнической социологии.
E-mail: silica2@yandex.ru

** Кандидат психологических наук, зав. кафедрой этнопсихологии и психологических проблем поликультурного образования. E-mail: huhlaevoe@mgppu.ru

*** Доктор психологических наук, профессор кафедры этнопсихологии и психологических проблем поликультурного образования. E-mail: gritsenko2006@yandex.ru

**** Кандидат психологических наук, зав. кафедрой общей психологии.
E-mail: konstantinov_vse@mail.ru

Поступила 26.09.2016

Аннотация. Изучена структура религиозной идентичности современной православной молодежи, проведена проверка применимости к описываемому конструкту современного методического инструментария, разработанного в рамках психологии религии и социальной психологии. Исследование построено в рамках традиции изучения религиозности, предложенной Г. Олпортом и продолженной Д. Ван Камп. В исследовании приняли участие 341 респондент (из них 94 юноши и 247 девушки) — студенты в возрасте от 17 до 22 лет, проживающие в гг. Пенза и Смоленск. В качестве методического инструментария были использованы методика Д. Ван Камп “Измерение индивидуальных/социальных компонентов религиозной идентичности” в адаптации В.А. Шороховой и О.Е. Хухлаева и опросник “Измерение ингрупповой идентификации” К. Лича с соавт. в адаптации Е.Р. Агадуллиной и А.В. Ловакова. В результате обнаружено, что на российской выборке структура религиозной идентичности православной молодежи успешно описывается тремя факторами: социальный компонент, индивидуальный компонент и внеконфессиональность. При этом наиболее сильно проявлен индивидуальный компонент христианской религиозности, отражающий содержание веры как личные отношения с Богом. Также обнаружено, что наиболее важный компонент групповой православной идентичности (идентификация с религиозной группой) связан с субъективным переживанием позитивных эмоций, связанных с фактом принадлежности к православию.

Ключевые слова: религиозная идентичность, религиозность, социальная идентификация, православные, молодежь.

DOI: 10.31857/S020595920000074-7

Изучение религиозной идентичности современной молодежи неизбежно сталкивается с проблемой оценки роли религиозного сознания в процессах построения гражданского общества в России. Каков конструктивный потенциал религиозной идентичности? Насколько структура современной религиозной (православной) идентичности ориентирована на внутренние духов-

ные усилия, и насколько она мотивируется внешними, в том числе групповыми, социальными интересами?

Многочисленные социологические исследования фиксируют в России рост числа верующих, в той или иной степени идентифицирующихся с православной духовной и культурной традицией [5; 11; 12]. При этом наибольший

¹Статья подготовлена при поддержке гранта РГНФ № 15-06-10843 “Риски и ресурсы религиозной идентичности в современной России: кросс-культурный анализ”.

приток верующих сегодня идет из среды молодежи, людей с высшим образованием, мужчин.

Особо актуален вопрос внутренней структуры религиозной идентичности становится для молодежи, в силу возрастных особенностей. “Обретение идентичности” (по Э. Эриксону), которое должно “случиться” к завершению отрочества, т.е. к 18 годам, в условиях высокотехнологического общества, находящегося в ситуации быстрых и мощных социальных изменений, протекает сложнее и дольше [13]. Как отмечает В.А. Ильин, “Э. Эриксон, включивший понятие “идентичность” в научный лексикон, рассматривал религию в качестве важнейшего социального института, призванного подкреплять базисное доверие как на индивидуальном, так и на социальном уровнях” [6, с. 34]. Очевидно, что сфера религии может являться для молодого человека значимым полем “обретения идентичности”.

Несмотря на то, что “за пределами собственно религиозной проблематики религиозная идентичность актуализируется крайне редко” [7, с.42], с точки зрения социума, религиозная идентичность у православной молодежи может быть активным ресурсом и мотивационной опорой для широких гражданских инициатив. Однако пока религия для подавляющего числа опрошенных выполняет преимущественно функцию поддержки, защиты, обеспечения социально-психологической стабильности. В период 1990–2015 гг. доля тех, кто указывает, что религия помогает им в жизни, выросла с 23% до 55%².

Изучение структуры религиозной идентичности православных молодых людей позволит нам рассмотреть религиозную идентичность как многомерное явление, выявить ее компоненты и оценить их значимость в масштабах субъективной религиозности.

Интерес психологов к операционализации религиозности, изучению ее структуры, исследованию форм проявления религиозного чувства и направлений его развития в полной мере проявился после выхода работ В. Джеймса “Многообразие религиозного опыта” [4] и Г. Олпорта “Индивид и его религия” [18]. Джеймс противопоставил институциональную и личную религиозность, раскрыл весь спектр проявлений религиозного чувства, дал исчерпывающий психологический анализ религии как личного переживания.

Г. Олпорт предложил типологию современной ему религиозности, исходя из предположения о существовании двух разнонаправленных религиоз-

ных ориентаций — внешней и внутренней. Выделение внешней и внутренней религиозности имеет свою философскую традицию, восходя к идеям И. Канта о статуарной (церковной) и личной (моральной) вере [10]. Согласно Олпорту, внешняя религиозная ориентация поверхностна и утилитарна, нацелена на использование религии в личных (нерелигиозных) целях. Внутренняя (зрелая) религиозная ориентация глубока и бескорыстна, она вырастает из духовной потребности богообщения, здесь мировоззрение формируется под влиянием религиозных убеждений [14; 18]. Олпорт подчеркивал, что негативные проявления религиозности, связанные с фанатизмом, предрассудками, межгрупповой враждебностью, свойственны людям с внешней религиозной ориентацией. Внутренняя религиозная ориентация сопряжена с толерантностью, открытостью, готовностью к диалогу. Следует отметить, что особый акцент на внешней религиозности в ущерб внутренней нередко проявляется среди верующих и порицается православной церковью как “обрядоверие” [9]. В отечественных эмпирических исследованиях религиозности также показано, что “вера в магические обряды и суеверия, а также в необъясненные или не подтвержденные пока наукой таинственные явления, не коррелирует с уровнем религиозности в христианском ее понимании” [8, с.121].

Дальнейшие эмпирические исследования в целом подтвердили выводы Г. Олпорта о связи внешней религиозности с предубеждениями [19]. Однако современные исследования дают основания считать, что внутренняя религиозность не всегда безусловно толерантна, она также способна продуцировать предубежденность [22], которая может проявляться, например, в негативном отношении к атеистам [20].

По мнению Д. Ван Камп [25], структура религиозной идентичности более сложна, чем это традиционно представляется. Религиозная идентичность — многомерное образование, и помимо внутренней и внешней ее ориентации, необходимо также учитывать современные представления о социальном и личностном параметрах ее измерения [21]. Д. Ван Камп справедливо отмечает, что концептуализация внутренней религиозности как исключительно индивидуальной возможна лишь в отношении христиан современных западных культур.

Для описания иных религиозных феноменов (как, впрочем, и для изучения идентичности христиан), имеет смысл рассматривать как внутреннюю, так и внешнюю религиозность сквозь призму социальной категоризации и социального взаимодействия. Религиозная идентичность как важная часть социальной идентичности формируется через осознание принадлежности к

² Опрос ВЦИОМ в июле 2015 г. Опрошено 1600 чел. в 130 населенных пунктах в 46 областях, краях и республиках России. Пресс-выпуск 2888. Опрос “Религия: за и против”. URL: <http://wciom.ru/index.php?id=236&uid=115329> (дата обращения 05.08.2016).

своей религиозной (конфессиональной) группе и дифференциацию от иных религиозных (конфессиональных) групп. Социальная категоризация (распределение социальной реальности по категориям/группам) и самокатегоризация (восприятие себя как типичного представителя ин-группы) формирует идентичность в условиях межгрупповых отношений и обеспечивает ее когнитивный и аффективный потенциал [24].

Таким образом, внутренний и внешний типы религиозности могут дополняться социальной и индивидуальной религиозной ориентацией. На пересечении шкал внешней/внутренней религиозности и индивидуальной/социальной ориентации Д. Ван Камп [25] построила многомерную модель религиозной идентичности. Факторный анализ, проведенный по результатам опроса среди представителей различных конфессий, позволил ей выделить четыре компонента религиозной идентичности:

1. *Духовная идентичность* отражает религиозные чувства, связанные с личным отношением к Богу, выражаемые в молитве и религиозных практиках.

2. *Идентичность по религиозной группе* формируется как переживание субъективной связи с религиозной группой, отражает субъективную значимость принадлежности к религиозному сообществу.

3. *Получаемые личные выгоды от религии* — это те индивидуальные, личные блага, которые дает человеку религия и причастность к религиозному сообществу. Например, смысл жизни, безопасность, утешение.

4. *Получаемые социальные выгоды от религии* — это социальные блага, которые дает человеку его религия, принадлежность к “своему” религиозному сообществу. Например, приобретение друзей, полезных социальных контактов.

Модель религиозной идентичности построена Ван Камп на христианско-мусульманской выборке, с привлечением верующих других конфессий. Задача нашего исследования состояла в том, чтобы определить особенности структуры религиозной идентичности на выборке современной православной молодежи. В рамках исследования подростков православного [15] и буддистского вероисповедания [17] было установлено, что модель религиозной идентичности Д. Ван Камп обладает определенной эвристической ценностью в социокультурных условиях современной России. Однако, как недостаточная выборка, так и возраст испытуемых (15 лет, в среднем) не позволяют с уверенностью переносить эти результаты на старшие возрастные группы.

Кроме того, модель Д. Ван Камп предназначена для изучения именно религиозной идентично-

сти, как бы “оставляя за скобками” вопрос общего контекста социальной идентичности в целом. Тем самым, недостаточно используются эвристические возможности одной из наиболее авторитетных в современной социальной психологии концепции — теории социальной идентичности, в которой, по мнению Г.М. Андреевой [2] “связка” процесса конструирования социального мира и социальных изменений выступает как предмет особого анализа. Одна из наиболее известных “синтетических” (т.е. объединяющих подходы, показавшие эмпирическую эффективность) эмпирических моделей изучения социальной идентичности предложена К. Личем и соавт. [23]. Использование данного подхода может быть ценно для оценки роли религиозной идентичности в контексте межгрупповых (межконфессиональных) отношений.

Таким образом, цель исследования состояла в изучении структуры религиозной идентичности современной православной молодежи и проверке применимости современного методического инструментария, разработанного как в рамках психологии религии, так и социальной психологии.

В качестве гипотез исследования были выдвинуты следующие предположения:

1. В религиозной идентичности православной молодежи выделяется как индивидуальный, так и социальный компонент.

2. Социальный компонент религиозной идентичности православной молодежи будет менее выражен, чем иные составляющие.

3. Идентификация православной молодежи с религиозной группой будет характеризоваться преобладанием аффективной составляющей ее структуры.

МЕТОДИКА

Участники исследования. Выборка составила 341 человек, из них 94 юноши и 247 девушек в возрасте от 17 до 22 лет. Основной массив опрошенных составили 18-летние (42.5%) и 19-летние (43.9%) респонденты, православные по самоидентификации, студенты. Опрос проходил в Смоленске (184 человека), в Пензе (136 человек), других городах (21 человек). В отношении к религии 27.6% определили себя как “верующий, стараюсь соблюдать обычаи и обряды” и 52.5% — как “верующий, но не соблюдаю обычаев и обрядов”, 17% — как “колеблющийся”. Таким образом, большинство респондентов (80.1%) определили себя как верующих; практически все опрошенные (90.6%) — русские по национальности.

Для обработки результатов исследования использовалась программа IBM SPSS Statistics.

Были использованы следующие методики:

1. Методика исследования религиозной идентичности Д. Ван Камп “Измерение индивидуальных/социальных компонентов религиозной идентичности” в адаптации Шороховой В.А. и Хухлаева О.Е. Двойной перевод, а также экспертный опрос позволяют говорить об адаптированности этой методики к особенностям религиозного восприятия различных вероисповедных групп и к российскому культурному контексту. Адаптированная (русскоязычная) версия методики представляет собой опросник, состоящий из 32 вопросов, каждый из которых нужно было оценить по шкале Лайкерта от 1 (полностью согласен) до 5 (полностью не согласен). Далее, в процессе эксплораторного анализа предполагалось определить шкалы, адекватные для изучаемой выборки, а затем посредством конфирматорного анализа проверить соответствие модели эмпирическим данным.

2. Методика измерения ингрупповой идентификации К. Лича с соавторами представляет собой опросник из 14 суждений, каждое из которых необходимо оценить по шкале Лайкерта от 7 (полностью согласен) до 1 (полностью не согласен). Е.Р. Агадуллина и А.В. Ловаков [1], проверив эту методику на российской выборке, доказали ее культурную универсальность, подтвердив, что ингрупповая идентификация складывается из пяти компонентов. *Самостереотипизация* показывает, насколько члены группы разделяют представление о том, что каждый член их группы соответствует некоему “усредненному” прототипу, а все члены группы связаны “общей судьбой”. Второй компонент — *ингрупповая гомогенность*, показывает, насколько однообраз-

ными воспринимаются члены ингруппы по сравнению с аутгруппой. Третий компонент — *групповая сплоченность*, раскрывает психологическую приверженность группе, разделение членами группы общих ценностей и целей. Четвертый компонент — *удовлетворенность членством в группе*, отражает позитивные эмоции в отношении собственной группы и факту принадлежности к ней. Пятый компонент — *выраженность ингрупповой идентичности*, показывает место, которое занимает принадлежность к группе в структуре Я-концепции человека. Методика была адаптирована для измерения идентификации с религиозной группой “православные”. В рамках исследования посредством конфирматорного анализа предполагалось проверить соответствие модели эмпирическим данным.

РЕЗУЛЬТАТЫ

Для определения структуры религиозной идентичности православной молодежи по методике Д. Ван Камп была построена точечная диаграмма (график нормализованного простого стресса), которая позволила выделить оптимальное количество факторов, определяющих модель православной идентичности молодежи. Эксплораторный факторный анализ (метод главных компонент, вращение варимакс), показал, что на российской выборке структура религиозной идентичности православной молодежи успешно описывается тремя факторами (в отличие от модели Ван Камп, где их было четыре) (табл.1.), при этом оказываются задействованы только 9 утверждений опросника.

Таблица 1. Структура религиозной идентичности православной молодежи. Результаты эксплораторного факторного анализа

№ фактора	Формулировка утверждения опросника	Факторные нагрузки		
		Фактор 1	Фактор 2	Фактор 3
Ф 1	Я посещаю церковь, в том числе, потому что это расширяет мой круг общения	.79		
	Я принимаю активное участие в общественной жизни, связанной с христианством	.78	.22	
	Я посещаю церковь, потому что мне нравятся люди, которых я там встречаю	.75	.25	
Ф 2	У меня есть важные обязательства перед Богом	.26	.79	
	Моя религия не зависит от влияния моего окружения, будь я на необитаемом острове — мои взаимоотношения с богом остались бы прежними		.76	
	Мне важно, как я выгляжу в глазах Бога	.26	.74	
	Я часто молюсь в одиночестве, вне церкви	.26	.68	
Ф 3	Для меня не важно принадлежать к какому-то определенному вероисповеданию			.85
	Моя личная жизнь — это одно, а моя религиозная жизнь — это другое	.25	.21	.42

Примечание. Вращение варимакс; факторные нагрузки ≤ 0.20 в таблице не указаны

Таблица 2. Основные показатели согласия структуры религиозной идентичности православной молодежи по методике Д. Ван Камп по результатам конфирматорного факторного анализа

Вид модели	Критерии согласия модели с данными				
	<i>RMSEA (HI90)</i>	<i>CFI</i>	<i>NFI</i>	<i>GFI</i>	<i>AGFI</i>
4-х факторная	.08 (.10)	.97	.95	.94	.89
3-х факторная	.05 (.07)	.98	.96	.97	.94
2-х факторная	.06 (.08)	.98	.96	.96	.93
1-факторная	.09 (.16)	.86	.82	.85	.82

По результатам конфирматорного факторного анализа все показатели соответствия с исходными данными моделей находятся в пределах допустимых значений и говорят о высоком согласии. Показатели иных моделей существенно хуже (см. табл.2.). Так, индекс Стейгера-Линда (RMSEA) отражает хорошее согласие с модели с данными при значении не более 0.05, что присутствует только в 3-х факторной модели. В то же время “Исправленный критерий согласия” (AGFI) должен быть не менее 0.9, что не наблюдается в 4-х и 1-факторной моделях. Таким образом, трехфакторная модель религиозной идентичности показывает, в чем содержательно выражается религиозность для современной православной молодежи, какие компоненты образуют ее структуру. Важно отметить, что выявленные компоненты не исключают, а дополняют друг друга. Опишем их более подробно.

1. *Социальный компонент православной религиозной идентичности.* Наибольшую факторную нагрузку здесь получили утверждения, отражающие потребность молодых православных людей в общении, установлении контактов внутри религиозного сообщества (“я посещаю церковь, потому что это расширяет мой круг общения”, “я посещаю церковь, потому что мне нравятся люди, которых я там встречаю”), а также готовность к православно-ориентированной общественной деятельности (“я принимаю активное участие в общественной жизни, связанной с христианством”). По содержанию данный компонент идентичен компоненту «социальные выгоды от религии» из модели Д.Ван Камп.

2. *Индивидуальный компонент православной религиозной идентичности.* Наибольшую факторную нагрузку здесь получили суждения, отражающие индивидуальную внутреннюю религиозность (“у меня есть важные обязательства перед Богом”, “мне важно, как я выгляжу в глазах Бога”, “я часто молюсь в одиночестве, вне церкви”). Индивидуальный характер подобной религиозной ориентации подчеркивает суждение, проти-

воположное по смыслу социальной религиозной ориентации (“моя религия не зависит от моего социального окружения, будь я на необитаемом острове — мои взаимоотношения с Богом остались бы прежними”). По содержанию этот компонент близок к компоненту “духовная идентичность” из модели Д. Ван Камп.

3. *Внеконфессиональная религиозность.* Отражает дистанцированность молодых людей от институциональных форм религиозности. Православие в данном случае поверхностно и служит лишь маркером этнокультурной русской идентичности. Наибольшую факторную нагрузку получили суждения “для меня не важно принадлежать к какому-то определенному вероисповеданию”, “моя личная жизнь — это одно, а моя религиозная жизнь — это другое.

Если рассмотреть выраженность данных компонентов (табл.3.), то видно, что индивидуальный компонент выражен сильнее, чем социальный, а “внеконфессиональная религиозность” занимает промежуточное положение.

Изучение идентификации с религиозной группой (по методике К. Лича с соавторами) позволило увидеть, какие параметры идентификации с групповой категорией “православные” наиболее важны для православной молодежи. При этом все различия выраженности компонентов значимы на уровне $p \leq 0.001$ (t-критерий для парных (зависимых) выборок). Как видно из таблицы 4, наиболее важный параметр — *удовлетворенность членством в группе*. Если расположить субъективную значимость всех параметров (компонентов) православной идентификации от наиболее важных к наименее значимым, то этот рейтинг выглядит следующим образом:

- удовлетворенность членством в группе православных;
- внутригрупповая сплоченность, единение с группой православных;
- ингрупповая гомогенность;
- выраженность ингрупповой православной идентичности и самостереотипизация.

Таблица 3. Структура религиозной идентичности православной молодежи. Сравнительная выраженность компонентов по методике Д. Ван Камп

	Компоненты религиозной идентичности					
	Социальный компонент		Индивидуальный компонент		Внеконфессиональная религиозность	
	среднее	ст.откл.	среднее	ст.откл.	среднее	ст.откл.
Выборка в целом	2.10	.94	3.15	1.08	2.79	.98
Мужчины	2.21	1.12	2.82	1.01	2.92	.99
Женщины	2.06	.86	3.27	1.08	2.74	.92

Таблица 4. Идентификация с религиозной группой. Сравнительная выраженность компонентов по методике К. Лича

	Компоненты идентификации с религиозной группой «православные»									
	Сплоченность (солидарность)		Удовлетворенность членством в группе		Выраженность ингрупповой (православной) идентичности		Самостереотипизация		Ингрупповая гомогенность	
	среднее	ст.откл.	среднее	ст.откл.	среднее	ст.откл.	среднее	ст.откл.	среднее	ст.откл.
Выборка в целом	4.33	1.32	4.76	1.42	3.72	1.66	3.71	1.53	3.96	1.52
Мужчины	4.41	1.19	4.67	1.24	3.85	1.69	3.93	1.49	4.17	1.56
Женщины	4.30	1.37	4.79	1.46	3.67	1.65	3.63	1.54	3.87	1.50

При этом все различия выраженности компонентов значимы на уровне $p \leq 0.001$ (t-критерий для парных (зависимых) выборок), кроме “выраженности православной идентичности” и “само-стереотипизации”. *Удовлетворенность членством в группе* как ведущий параметр религиозной идентификации говорит о том, что для молодых людей очень значимы позитивные эмоции, связанные с принадлежностью к православию, — радость, гордость, чувство счастья. Возможно, что в других возрастных категориях этот параметр будет не столь значимым.

Следующий по значимости параметр — внутри-групповая сплоченность, единение с группой “православные” (“я чувствую свою связь с другими православными”, “я солидарен с православными”). Можно констатировать, что для православной молодежи психологическая связь с религиозной ингруппой является важной, они разделяют ее общие ценности и цели.

Ингрупповая гомогенность “православных” по-разному переживается верующими молодыми людьми и девушками. Восприятие “православных” как категориальной группы схожих между собой людей, связанных общей судьбой (“много общего между собой”, “похожи друг на друга”), более свойственно юношам.

При этом *выраженность ингрупповой православной идентичности* (поддержка суждения “я часто думаю о том, что я православный”) и *самостереотипизация* (“я похож на среднестатистического православного”) — не самые важные параметры православной идентификации. Невысо-

кая выраженность ингрупповой идентичности указывает, что в “Я-концепции” респондентов принадлежность к православным важна, но не является доминирующей. Самостереотипизация как навык оценки себя и членов группы в категориях “типичного”, “среднестатистического” православного еще менее значима для православной молодежи, что отражает неактуальность этой темы в условиях культурного доминирования православия как религии большинства.

ОБСУЖДЕНИЕ РЕЗУЛЬТАТОВ

Религиозная конфессиональная идентичность представляет собой связующее звено между институциональной религиозностью и личной верой. Верующих в России, по разным оценкам, до 70%, однако соблюдающих институциональные религиозные нормы (регулярно посещающих храм, исповедующихся и причащающихся, читающих Евангелие) — не более 10%.

Исследование с применением адаптированной методики Д. Ван Камп показало, что для православной молодежи важна социальная компонента религиозности, позволяющая расширить круг общения, обрести в церковной среде друзей и знакомых, проявить себя в общественной жизни, связанной с христианством.

Вместе с тем, сильнее проявлена личная, индивидуальная христианская религиозность в форме богообщения (“мне важно, как я выгляжу в глазах Бога”, “я часто молюсь в одиночестве, вне церкви”) и духовной ответственности (“у

меня есть важные обязательства перед Богом”). Это внутренний и личный компонент христианской религиозности, отражающий содержание веры как личные отношения с Богом. Вне религиозного институционального контекста такая идентичность может быть определена как “духовная” идентичность. На первый взгляд этот вывод контрастирует с результатами, полученными А.М. Двойниным при изучении ценностно-смысловых ориентаций православной молодежи. По его мнению, “реальные жизненные смыслы православные молодые люди обретают (возможно, даже не вполне осознанно) по большей части не в религии, а в других источниках” [3, с. 33]. Однако это противоречие, на наш взгляд, разрешается через предположение о том, что значимость “духовной” идентичности для православной молодежи отражает скорее потребность, чем ее непосредственную реализацию в “официальной” религии, что косвенно подтверждает специфика третьего, “внеконфессионального” фактора религиозной идентичности.

Несмотря на то, что 68.5% россиян исповедуют православие и 28% стараются соблюдать необходимые обычаи и обряды³ (связанные, главным образом, с религиозными праздниками и обрядами жизненного цикла), доля верующих, не соотносящих себя ни с какой конфессией, достаточно велика. По данным службы “Среда”, 25% россиян верят в Бога и при этом не исповедуют никакой религии⁴.

Присутствие в структуре религиозной идентичности православной молодежи “внеконфессионального” компонента говорит о том, что духовные поиски могут не всегда соединяться с православием, идти параллельно институциональной религиозности. Чувствуя свою ассоциированность с православием как культурной традицией, молодые люди, одновременно, могут быть далеки от связи с *духовной православной* традицией. Обладая культурной православной идентификацией и личной религиозностью, они, тем не менее, православно не социализированы, мало осведомлены о церковном “образе жизни и образе мысли”, усвоение которых является основой воцерковленности [16], что делает весьма актуальной и своевременной нацеленность РПЦ на работу с молодежью.

Применение методики К. Лича показало, что идентификация с категориальной группой “православные”, дает молодым людям чувство радости и

гордости, ощущение общей судьбы и похожести друг на друга. Это самый важный компонент их групповой православной идентичности. При этом, несмотря на высокую значимость позитивной эмоциональной вовлеченности, в Я-концепции верующей молодежи православие не отражается соответствующим образом. Другими словами, ощущение единения с “православными” и гордость по этому поводу не ведут автоматически к внутреннему представлению о себе, как о “православном”. Возможно, это объясняется более внешней (по Г. Олпорту), общественной ролью православия в современной жизни. В то же время высокий статус православия в России как культурообразующей религии этнического большинства, благоприятные условия развития религиозности, в которых никогда не возникало необходимости отстаивать свое право на религию (за исключением советского периода), ведут к тому, что ощущать приверженность “православию” можно и без стойкого внутреннего ощущения себя “православным”. С другой стороны, это может свидетельствовать о том, что церковь не предлагает молодежи необходимых личностных вызовов, способных придать их деятельности субъектную позицию и привести к внутреннему осознанию религиозной принадлежности. Не исключено, что для православных активистов, вовлеченных в широкую приходскую работу, выраженность ингрупповой религиозной идентичности будет более значимой.

В-целом, можно говорить о наличии у православной молодежи некоторого “зазора” между потребностью в религиозных “духовных” переживаниях личностного характера и той реальностью, которая является следствием их идентичности с “православными”.

ВЫВОДЫ

1. В религиозной идентичности православной молодежи выделяется как индивидуальная, так и социальная ее составляющие. При этом выделяется также такой компонент как “внеконфессиональная религиозность”, отражающаяся в дистанцированности молодых людей от институциональных форм религиозности

2. У юношей и девушек, принадлежащих к православному вероисповеданию (но, при этом не обязательно являющихся приходскими активистами), наиболее сильно проявлен внутренний и личный компонент христианской религиозности, отражающий содержание веры как личные отношения с Богом.

3. Наиболее важный компонент групповой православной идентичности (идентификации с религиозной группой) связан с субъективным пережи-

³ Всероссийский мониторинг Института социологии РАН (Рук.М.К. Горшков). Объем выборки 4000 респондентов. Опрос 2015 г.

⁴ Всероссийский опрос 56900 респондентов в 79 субъектах РФ проведен Фондом Общественное мнение по заказу службы “Среда” // Официальный сайт информационной службы Среда. URL: <http://sreda.org/arena> (дата обращения 22.08.2015).

ванием позитивных эмоций, связанных с фактом принадлежности к православию. При этом, как переживание групповой сплоченности так и когнитивные составляющие религиозной идентификации (“самостереотипизация” и “ингрупповая гомогенность” по К. Лич) выражены в меньшей степени. Таким образом, для “Я-концепции” религиозной молодежи принадлежность к православным важна, но не является доминирующей.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Агадулина Е.Р., Ловаков А.В. Модель измерения ингрупповой идентификации: проверка на российской выборке // Психология. Журнал Высшей школы экономики. 2013. Т. 10. № 4. С. 143–157.
2. Андреева Г.М. Социальная психология сегодня: поиски и размышления. М.: НОУ ВПО МПСИ, 2009.
3. Двойнин А.М. Специфика ценностно-смысловых ориентаций православной молодежи // Психологический журнал. 2011. Т. 32. №5. С. 23–35.
4. Джеймс У. Многообразие религиозного опыта. М.: Наука, 1993.
5. Дубин Б. Образ православно верующего в современной России // Левада-Центр. URL: <http://www.levada.ru/2012/06/07/obraz-pravoslavnogo-veruyushhego-v-sovremennoj-rossii/> (дата обращения 5.09.2016).
6. Ильин В.А. К вопросу о религиозной идентичности: опыт культурно-исторического анализа с позиций психосоциальной теории развития // Социальная психология и общество. 2015. Т. 6. № 2. С. 33–50.
7. Микляева А.В., Румянцев П.В. Соотношение центральных и периферических компонентов в структуре социальной идентичности личности // Психологический журнал. 2011. Т. 32. № 5. С. 36–45.
8. Мяков И.Ф., Щербатых Ю.В., Кравцова М.С. Психологический анализ уровня индивидуальной религиозности // Психологический журнал. 1996. Т. 17. № 6. С. 119–122.
9. Православие от А до Я. Словарь — справочник. М.: Дарь., 2009.
10. Религиоведение / Под ред. М.М. Шахнович. СПб.: Питер, 2008.
11. Религия в самосознании народа (религиозный фактор в идентификационных процессах) / Отв. ред. М.П. Мчедлов. М.: Институт социологии РАН, 2008.
12. Синелина Ю.Ю. О динамике религиозности россиян и некоторых методологических проблемах ее изучения (религиозное сознание и поведение православных и мусульман) // Социологические исследования. 2013. № 10. С. 104–115.
13. Социальная психология развития / Под. ред. Н.Н. Толстых. М.: Юрайт., 2014.
14. Титов Р.С. Концепция индивидуальной религиозности Г. Олпорта: понятие религиозных ориентаций // Культурно-историческая психология. 2013. № 1. С. 2–9.
15. Хухлаев О.Е., Шорохова В.А. Социально-психологическое исследование религиозной идентичности у православной молодежи // Социальная психология и общество. 2016. Т. 7. № 2. С. 35–50.
16. Чеснокова В.Ф. Тесным путем: Процесс воцерковления населения России в конце XX века. М.: Академический Проект, 2005.
17. Шорохова В.А., Хухлаев О.Е., Дагбаева С.Б. Взаимосвязь ценностей и религиозной идентичности у школьников буддистского вероисповедания // Культурно-историческая психология. 2016. Т. 12. № 1. С. 66–75. doi:10.17759/chp.2016120107.
18. Allport G.W. The Individual and his Religion. N.Y., 1971.
19. Donahue, M.J. Intrinsic and extrinsic religiousness: Review and meta-analysis // Journal of Personality & Social Psychology. 1985. Vol. 48. P. 400–419.
20. Goplen J., Ashby E. Plant A. Religious Worldview: Protecting One's Meaning System Through Religious Prejudice // Personality and Social Psychology Bulletin. 2015. Vol. 41. №11. P. 1474–1487.
21. Gorsuch R., McPherson S. E. Intrinsic / extrinsic measurement: I/E-revised and single-item scales // Journal for the Scientific Study of Religion. 1989. V.28. P.348–354.
22. Hansen I. G., Norenzayan A. Between yang and yin and heaven and hell: Untangling the complex relationship between religion and intolerance. // Where God and science meet: How brain and evolutionary studies alter our understanding of religion. / Ed. P. McNamara. Westport, CT: Praeger. 2006. P. 187–211
23. Leach C.W., van Zomeren M., Zebel S., Vliek M.L.W., Pennekamp S.F., Doosje B., Ouwerkerk J.W., Spears R. Group-level self-definition and self-investment: A hierarchical (multicomponent) model of in-group identification // Journal of Personality and Social Psychology. 2008. Vol. 95. № 1. P. 144–165.
24. Tajfel H., Turner J. The social identity theory of intergroup behavior // Psychology of intergroup relations. Chicago, Nelson-Hall, 1985.
25. Van Camp D., Barden J., Sloan L. Social and Individual Religious Orientations Exist Within Both Intrinsic and Extrinsic Religiosity // Archive for the Psychology of Religion. 2016. Vol.38. № 1. P. 22–46.

STRUCTURE OF RELIGIOUS IDENTITY OF MODERN ORTHODOX YOUTH⁵S.V. Ryzhova^{1*}, O.E. Khukhlaev^{2**}, V.V. Gritsenko^{2***}, V.V. Konstantinov^{3****}¹ Institute of Sociology; 117218, Moscow, Krzhizhanovskiy str., 24/35, bldg.5, Russia.² Moscow State Psychological and Pedagogical University; 127051, Moscow, Sretenka str., 29, Russia³ Penza State University; 440026, Penza, Krasnaya str., 40, Russia.^{*} PhD (sociology), leading research officer, department of ethnic sociology. E-mail: silica2@yandex.ru^{**} PhD (psychology), head of ethno-psychology and psychological problems of multicultural education chair.

E-mail: huhlaevoe@mgppu.ru

^{***} Sc.D. (psychology), professor, ethno-psychology and psychological problems of multicultural education chair. E-mail: gritsenko2006@yandex.ru^{****} PhD (psychology), head of general psychology chair. E-mail: konstantinov_vse@mail.ru

Received 26.09.2016

Abstract. The structure of religious identity of modern orthodox youth has been studied; verification of applicability of modern methodological tools that had been developed in the field of religion and social psychology to the construct under description has been conducted. The research was designed according to the tradition in study of religiosity proposed by G. Allport and continued by D. Van Camp. 341 respondents (94 boys, 247 girls) – students aged 17–22 from Penza and Smolensk participated in the research. D. Van Camp's "Individual/Social Religious Identity Measure" (adaptation by V.A. Shorokhova and O.E. Khukhlaev) and C. Leach's et al. "The Group Identification Scale" (adaptation by E.R. Agadullina and A.V. Lovakova) were used. It has been revealed that the structure of religious identity of Russian orthodox youth can be described by three factors: social component, individual component and out-of-confession. The most powerful is individual component of orthodox religiosity that reflects the faith as personal relations with God. The most important component of group orthodox identity (identification with religious group) is connected with subjective experiencing of positive emotions induced by belonging to the Orthodox Church.

Keywords: religious identity, religiosity, social identification, the orthodox, youth.

REFERENCES

1. Agadullina E.R., Lovakov A.V. Model' izmerenija ingruppovoj identifikacii: proverka na rossijskoj vyborke // Psihologija. Zhurnal Vysshej shkoly jekonomiki. 2013. V. 10. № 4. P. 143–157. (in Russian)
2. Andreeva G.M. Social'naja psihologija segodnja: poiski i razmyshlenija. Moscow: NOU VPO MPSI, 2009. (in Russian)
3. Dvojnin A.M. Specifika cennostno-smyslovyh orientacij pravoslavnoj molodezhi // Psihologicheskij zhurnal. 2011. V. 32. №5. P. 23–35. (in Russian)
4. Džeims U. Mnogoobrazie religioznogo opyta. Moscow: Nauka, 1993. (in Russian)
5. Dubin B. Obraz pravoslavno verujushhego v sovremennoj Rossii // Levada-Centr. URL: <http://www.levada.ru/2012/06/07/obraz-pravoslavno-verujushhego-v-sovremennoj-rossii/> (data obrashhenija 5.09.2016). (in Russian)
6. Il'in V.A. K voprosu o religioznoj identichnosti: opyt kul'turno-istoricheskogo analiza s pozicij psihosocial'noj teorii razvitiya // Social'naja psihologija i obshhestvo. 2015. V. 6. № 2. P. 33–50. (in Russian)
7. Mikhajeva A.V., Rumjanceva P.V. Sootnoshenie central'nyh i perifericheskikh komponentov v strukture social'noj identichnosti lichnosti // Psihologicheskij zhurnal. 2011. V. 32. № 5. P. 36–45. (in Russian)
8. Mjagkov I.F., Shherbatyh Ju.V., Kravcova M.S. Psihologicheskij analiz urovnja individual'noj religioznosti // Psihologicheskij zhurnal. 1996. V. 17. № 6. P. 119–122. (in Russian)
9. Pravoslavie ot A do Ja. Slovar' — spravochnik. Moscow: Dar#, 2009. (in Russian)
10. Religiovedenie / Pod red. M.M. Shahnovich. St. Petersburg.: Piter, 2008. (in Russian)
11. Religija v samosoznanii naroda (religioznyj faktor v identifikacionnyh processah) / Ed. M.P. Mchedlov. Moscow: Institut sociologii RAN, 2008. (in Russian)
12. Sinelina Ju.Ju. O dinamike religioznosti rossiyan i nekotoryh metodologicheskikh problemah ee izuchenija (religioznoe soznanie i povedenie pravoslavnyh i musul'man) // Sociologicheskie issledovaniya. 2013. № 10. P. 104–115. (in Russian)
13. Social'naja psihologija razvitiya / Ed. N.N. Tolstyh. Moscow: Jurajt., 2014. (in Russian)
14. Titov R.S. koncepcija individual'noj religioznosti G. Olporta: ponjatie religioznyh orientacij // Kul'turno-istoricheskaja psihologija. 2013. № 1. P. 2–9. (in Russian)
15. Huhlaev O.E., Shorokhova V.A. Social'no-psihologicheskoe issledovanie religioznoj identichnosti u pravoslavnoj molodezhi // Social'naja psihologija i obshhestvo. 2016. V. 7. № 2. P. 35–50. (in Russian)
16. Chesnokova V.F. Tesnym putem: Process vocerkovenija nasele-nija Rossii v konce HH veka. Moscow: Akademicheskij Proekt, 2005. (in Russian)
17. Shorokhova V.A., Huhlaev O.E., Dagbaeva S.B. Vzaimosvjaz' cennostej i religioznoj identichnosti u shkol'nikov buddistskogo veroisповедaniya // Kul'turno-istoricheskaja psihologija. 2016. V. 12. № 1. P. 66–75. (in Russian)
18. Allport G.W. The Individual and his Religion. N.Y., 1971.
19. Donahue, M.J. Intrinsic and extrinsic religiousness: Review and meta-analysis // Journal of Personality & Social Psychology. 1985. Vol. 48. P. 400–419.
20. Goplen J., Ashby E. Plant A. Religious Worldview: Protecting

⁵ The article was prepared with the support of "Russian Foundation for Basic Research" Grant No 15-06-10843 "Risks and Resources of Religious Identity in Modern Russia: Cross-Cultural Analysis".

- One's Meaning System Through Religious Prejudice // *Personality and Social Psychology Bulletin*. 2015. Vol. 41. №11. P. 1474–1487.
20. *Gorsuch R., McPherson S. E.* Intrinsic / extrinsic measurement: I/E-revised and single-item scales // *Journal for the Scientific Study of Religion*. 1989. V.28. P.348–354.
  21. *Hansen I. G., Norenzayan A.* Between yang and yin and heaven and hell: Untangling the complex relationship between religion and intolerance. // *Where God and science meet: How brain and evolutionary studies alter our understanding of religion.* / Ed. P. McNamara. Westport, CT: Praeger. 2006. P. 187–211
  22. *Leach C.W., van Zomeren M., Zebel S., Vliek M.L.W., Pennenkamp S.F., Doosje B., Ouwerkerk J.W., Spears R.* Group-level self-definition and self-investment: A hierarchical (multi-component) model of in-group identification // *Journal of Personality and Social Psychology*. 2008. Vol. 95. № 1. P. 144–165.
  23. *Tajfel H., Turner J.* The social identity theory of intergroup behavior // *Psychology of intergroup relations*. Chicago, Nelson-Hall, 1985.
  24. *Van Camp D., Barden J., Sloan L.* Social and Individual Religious Orientations Exist Within Both Intrinsic and Extrinsic Religiosity // *Archive for the Psychology of Religion*. 2016. Vol.38. № 1. P. 22–46.